

DOI: 10.22250/20728662_2023_1_110

Сторчак В.М.¹, Токарева Е.М.², Сторчак М.В.³

В.М. Сторчак

Е.М. Токарева

М.В. Сторчак

^{1,3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

² Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

^{1,3} 119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82

² 125993, Россия, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4

¹ v.storchak@yandex.ru; ² e.m.tokareva@mail.ru; ³ punart@gmail.ru

Феномен пророчества в пролетарской революционной и советской квазирелигиозной культуре

Аннотация. Концепции homo religious различных теоретических форматов – гражданская религия, квазирелигия, псевдорелигия и другие, находят развитие в современном мире. Религиозная жизнь многообразна и включает конфессиональные образования, занимающими важное место вероучительного пространства с признаками сакральности, и религии, где указанные признаки минимальны. Эти квазирелигии сочетают религиозно-сакральные и не религиозные компоненты, среди которых значимыми являются политические, этнические, психологические, этические и другие аспекты квазирелигиозной системы. В советском марксизме (большевизме) доминируют не политические, а мессианские факторы, поэтому большевизм – мессианский тип квазирелигии. Мирча Элиаде трактовал его как эсхатологический тип мифотворчества о герое – искупителе. Его страдания изменяют онтологический статус мира. В этой мифологической парадигме важны пролетарские предсказания, восходящие к мифологии «Золотого века» и «вечного возвращения» иудео-христианской традиции. Следовательно, по содержанию и функциональной направленности эти социально-политические мессианские идеи носят псевдо или квазирелигиозный характер, определяющий поиск новых подходов философии религии.

Ключевые слова: квазирелигия, пролетариат, пророчество, Мессия, культура, марксизм, революция

Vladimir M. Storchak¹, Elena M. Tokareva²,
Marina V. Storchak³

^{1,3} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

² Moscow Aviation Institute (National Research University)

^{1,3} 82 Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russia

² 4 Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russia

¹ v.storchak@yandex.ru; ² e.m.tokareva@mail.ru; ³ punart@gmail.ru

The Phenomenon of Prophecy in Proletarian Revolutionary and Soviet Quasi-Religious Culture

Abstract. The concepts of homoreligious various theoretical formats – civil religion, quasi-religion, pseudo-religion and others, are being developed in the modern world. Religious life is diverse and includes confessional formations, which occupy an important place in the teaching space with signs of sacredness, and religions, where these signs are minimal. These quasi-religions combine religious-sacred and non-religious components, among which political, ethnic, psychological, ethical and other aspects of the quasi-religious system are significant. In Soviet Marxism (Bolshevism), not political, but messianic factors dominate, therefore Bolshevism is a messianic type of quasi-religion. Mircea Eliade interpreted it as an eschatological type of myth-making about the hero-redeemer. His suffering will change the ontological status of the world. In this mythological paradigm, proletarian predictions are important, going back to the mythology of the “Golden Age” and the “eternal return” of the Judeo-Christian tradition. Consequently, in terms of content and functional orientation, these socio-political messianic ideas are of a pseudo or quasi-religious nature, which determines the search for new approaches to the philosophy of religion.

Key words: quasi-religion, proletariat, prophecy, Messiah, culture, Marxism, revolution

Введение

«Священной книгой» марксизма стал «Манифест Коммунистической партии». «Его пророчества (*манифеста – авт.*) дышат всей искренностью веры, не колеблемой никакими сомнениями. Это вера первых правоизвестников новых начал, для которых провозглашаемые ими заветы представляются всемогущими» [Новгородцев, 1991, 260]. Текст «Манифеста» пророчит отрешение от старых основ и всемирно-историческую роль нового класса – пролетариата, творца нового, коммунистического общества. Как и в «Новом Завете», в «Манифесте» звучит призыв и дано учение об избавлении от «греховной», «порочной» экономики, иррациональных сил природы и несправедливого общества.

Н.А. Бердяев отмечал: «Причина исключительного динамизма и действительности марксизма-коммунизма та, что он носит в себе все черты религии. Научная теория и политическая практика никогда не могла бы играть такой роли». Он выделял религиозные признаки марксизма: «Строгая догматическая система, несмотря на практическую гибкость, разделение на ортодоксию и ересь, <...> священное писание Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которое может быть истолковываемо, но не подвергнуто сомнению; разделение мира на две части – верующих – верных и неверующих – неверных; иерархически организованная коммунистическая церковь с директивами сверху; перенесение совести на высший орган коммунистической партии, на собор; тоталитаризм, свойственный лишь религиям; фанатизм верующих; отлучение и расстрел еретиков; недопущение секуляризации внутри коллектива верующих; признание первородного греха (эксплуатации). Религиозным является и учение о скачке из царства необходимости в царство свободы. Это есть ожидание преобразования мира и наступления Царства Божьего... Марксизм как религия есть секуляризованная форма идеи предопределения. Псевдорелигиозный характер носит также разделение истории на две части. Досоциалистический или коммунистической революции есть лишь введение в историю, после неё только – начало настоящей истории. В основании марксистской религии лежит секуляризованный, не осознанный хилиазм» [Бердяев, 1997, 504–505].

Русская религиозно-философская мысль связывала марксизм и с иудео-христианской мечтой по построению Царства Божьего на земле, и с протестантско-кальвинистскими представлениями о предвечном предопределении всего сущего, призыва и избранничества (пролетариата), и католико-теократической мысли о государстве, во главе которого стоит каста «избранных» и «посвящённых» (коммунистической партии) с первосвященником (вождём мирового пролетариата), и библейского ожидания Мессии-Спасителя («русского пролетариата»).

Пролетарская дореволюционная пророческая литература

Представитель русской дореволюционной мысли Л.А. Тихомиров разделял мировоззрение социалистов на два периода:

– первый – утопический социализм, – который был насквозь пронизан идеями христианства, только без понятий Бога и Царствия Небесного. «В те времена, – пишет он, – охотно говорили о том, что христианство – социалистично, и такой горячий социалист, как Ламанне, был священником и горячо верующим»;

– второй – марксистский, – где вместо идеи построения социализма на принципах «истинно природных», «чистых» свойствах примарных людей, присущих им ещё до момента «грехопадения», была выдвинута принципиально новая идея, связанная с подчинением людей внешним материальным условиям и обстоятельствам жизни. «С появлением К. Маркса и его теории экономического материализма социализм уже пошёл своим путём, выйдя из всякой связи с христианством. Он впервые стал учением чисто атеистическим и материалистическим, без всякой примеси христианских отголосков. Но в исходном пункте идеи революции и социализма были порождены именно из психологии христианской, как применение христианской психики к строю земному и атеистическому» [Тихомиров, 1998, 528–529].

Для пролетарской культуры тех стран, в которых проходили революционные события, характерно обращение к своей прошлой истории, к её пророческой традиции. Для деятелей культуры Парижской коммуны (1871) это были герои Великой французской революции (1789); для писателей и драматургов революции в

Германии (1918–1919) – деятели крестьянской революции в эпоху средневековья (1524–1525) во главе с Томасом Мюнцером. Драма Берты Ласк «Томас Мюнцер» (1920) показывает его как образ, воплощающий высшее сознание масс, его авангард. Он их рупор, неизменно придающий смысл всем событиям. Пьеса была нацелена на такое изображение причин поражения крестьян, чтобы они вызвали ассоциации с причинами поражения пролетариата в Германии в революционных событиях 1918–1919 гг. Во вступлении пьесы показываются бастующие пролетарии, поющие «Варшавянку». Пробудившийся Мюнцер спрашивает их, что они намерены делать, и, когда узнает, что они сплотились для борьбы с эксплуататорами, предсказывает им победу: «Ваше известие пронизало меня, как жар вина, оно как факел. Я пробудился для того, чтобы увидеть вашу борьбу, вашу победу. Семена, брошенные мною, попали на живую почву. Теперь они дали всходы, дали плоды. Вы победите» [Кендлер, 1974, 113].

Известная фраза В.И. Ленина о том, что декабристы разбудили Герцена, а тот, в свою очередь, своим «Колоколом» разбудил революционное движение в России, было продолжено советскими писателями, по аналогии с сюжетом пьесы Б. Ласк, до вожаков крестьянских выступлений в России. В романе С. Злобина «Степан Разин» (1951) изображён процесс становления героя, совершающего трудный идейно-психологический путь от главаря казачьей вольницы до вождя революционно настроенных, стихийных крестьянских масс. Разин изображён в непрерывном духовном росте, находящем своё завершение в слиянии с народом, который видит в нём теперь своего заступника.

В своей первой исторической поэме Э. Багрицкий воспринимает Октябрьскую революцию как осуществление заветов Разина и Пугачёва на более высоком этапе освободительного движения в России [Рождественская, 1967, 62–63]. Фигуры оживших в XX веке крестьянских вождей пророчески говорят в поэме о возможности новой исторической жизни, их участия в классовой борьбе в качестве защитников народных прав:

*И Стенька четвертованный встаёт
Из четырёх сторон. И голова
Убитого Емельки на колу
Вращается, и приоткрылся рот,
Чтоб вымолвить неведомое Слово.*

(Э. Багрицкий, «Чёртовы куклы», 1921)

«Ветхозаветные», дореволюционные чаяния («неведомое Слово») крестьянских подвижников нашли своё воплощение после Октября 1917 года в «новозаветных» деяниях их последователей:

*Дело
Стеньки
С Пугачёвым,
разгорайся жарче-ка!
Все
Поместья
Богачёвы
Разметём пожарчиком.*

(В. Маяковский «Хорошо»)

Невольное ожидание «Мессии-освободителя», а также скорого воплощения нового, «коммунистического рая» было весьма характерно для пролетарской дореволюционной поэзии [Русская советская поэзия, 1972, 164]:

*Буря народная,
Буря великая,
Скоро ль придёт твой черёд?
Полночь безвольная,
Ненависть дикая,
Злоба жестокая душу гнетёт!*

В «Песне о Буревестнике» (1901) А.М. Горького накал пророческого ожидания нарастающей революции достигает своего апогея. Для усиления революцион-

ного звучания в произведение включены такие стихийные силы природы, как буря, ветер («воет»), гром («ударяет», «грохочет»), молния («чёрная», пускает «стрелы», с «огненными змеями»), море («бездна», «ревущее»), пена («гневная»), тучи («черные») и т.п. Сам Буревестник, подобный греческому богу, – демону – источает «силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе»:

Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревающим гневно морем: то кричит пророк победы:

– Пусть сильнее грянет буря!

В «Песне о Буревестнике» Горький передал революционные настроения, о которых писали в то время многие поэты:

Скорей, друзья! Идём все вместе,

Рука с рукой и мысль одна!

Кто скажет буре: стой на месте?

Чья власть на свете так сильна?

(Г.М. Кржижановский)

Кто-то бури ждёт... томится...

Кто-то верит... Буря грянет...

Крепкий молот ждать не станет...

(А.А. Богданов, «Перед заводами», 1900)

[Революционная поэзия, 1954, 67, 100].

Революционная патетика наиболее ярко и активно зазвучала перед революцией 1905 года в России. Утверждение силы рабочего класса, необходимости единства его рядов характеризуют пролетарскую поэзию тех лет [Новикова, Щепилова, 1966, 326]:

Смело братья, общей ратью!..

Все ряды!.. Плечо в плечо!..

Стоит только встать нам дружно –

Все враги нам нипочём!

Призыв к борьбе за свободу звучат у А. Богданова в «Гимне свободы», «Майской песне рабочих» неизвестного автора, «Песни пролетариев» А. Коца и др. У А. Богданова рабочий праздник Первое мая осмыслен как «перекличка мировая, мировой весенний гром», а у А. Коца Первой ассоциируется с «мощным приливом пролетарской волны».

Тема нарастания борьбы пролетариата с «мировым злом» – загнивающим капитализмом – весьма оригинально показана у Евгения Тарасова, где перестук политических заключённых в тюрьме становится призывом к освобождению:

Бейте ж, братья, бейте смело,

Неустанно: тук-тук-тук.

(Е. Тарасов «На левом берегу»)

На мотив известной русской песни «Дубинушка» неизвестным автором была сложена песня «Машинушка», где говорится, как когда-то сильное дворянство сменила буржуазия, ставшая опорой царского трона, на штурм которого должен идти народ:

Мы разрушим вконец твой роскошный дворец,

Только пепел оставим от трона.

А.А. Богданов, в предвкушении скорых перемен, создаёт пародию на гимн России «Боже, Царя храни»:

Боже, царя храни!

Деспоту долгие дни

Ты ниспошли.

Время настанет,

Солнце проглянет –

Разбудит бойцов...

Пользуйся временем

Царствуй над племенем

Жалких рабов!

Не может быть никаких классовых компромиссов со старым, «греховным» миром – основная идея стихотворения М. Савина «Хозяева и рабочие». «Смерть иль воля! – вот наш лозунг и набат», – заявляет о непримиримости «класса-Мессии», т.е. пролетариата, другой поэт – А. Гмырев в стихотворении «Призыв». «Враги куют нам цепи», «но мы, под их зловеший гром, свободу, равенство куём!», – соответствующим образом отвечает им Ф. Шкулев в стихотворении «Куём».

Целый ряд произведений был посвящён событию кровавого воскресения 9 января 1905 года. Основная их мысль заключается в том, что впереди – новый бой. «Там из каждой капельки крови и свинца / Мать земля-кормилица родила бойца», – писал А. Коц. А в популярном стихотворении П. Эдиета «На десятой версте от столпцы» выражена уверенность, что над могилами погибших «красное знамя завезет».

Поражение революции 1905–1907 гг. не вызвало растерянности в среде пролетарских поэтов, которые, прощаясь с погибшими на баррикадах, заверяют их, что «утром свежими отрядами новый бой начнём» (Евгений Тарасов); что, хотя и «залита кровью Русь святая», скоро скатится на плаху голова царя (неизвестный автор). А. Богданов в своём стихотворении утверждал, что революционная работа продолжается:

*Не верь дням тишины, раздумья и покоя,
Они обманчивы, как предрассветный сон...
Под пеплом жертвенным не умерло былое,
Народ не поражён:*

Мечи заветные в темницах точит он.

(А. Богданов, «Былое»)

Об этом же пишет и А. Гмырев:

В чёрном мраке душевной ночи,

В боевом дыму

Рать свободная рабочих

Рушит жизнь-тюрьму.

Они победили, но шум их побед

Так жалок, как место разврата.

Они победили. Но в сумраке лет

Их ждёт роковая расплата.

Тема революции тех лет проявляется и в крестьянском формате: «И на горьких осинах повесим / Мы попов, и дворян, и царя», – пишет неизвестный автор в «Крестьянской песне». Жителям деревни посвящено и стихотворение Евгения Тарасова «Старый дом»: «На деревне точат косы / Эй, вставай, крещёный люд» [Новикова, Щепилова, 1966, 326–330].

«Россия беременна Революцией», она стоит на пороге планетарного масштаба – таков лейтмотив общественно-политической и литературной мысли начала XX века в России. В Евангелии родился Христос, а в поэме А.М. Горького «Человек», Человек с большой буквы, обрётший себя на жертвенную миссию: «Иду, чтобы сгореть как можно ярче и глубже осветить тьму жизни. И гибель для меня – моя награда». Его дело продолжают его ученики-последователи («апостолы»):

Мы путь земле укажем новый,

Владыкой мира будет труд!

(А.М. Горький, «Человек»)

И, что ни год, всё растёт наша рать,

Крепнут и множатся силы...

Сладко за правое дело стоять,

Знамя нести до могилы!

[Революционная поэзия, 1890–1917, 67, 83].

Наиболее ярко тема грядущего Апокалипсиса, непосредственно перед началом I мировой войны, была затронута в творчестве Демьяна Бедного в большевистских газетных изданиях «Звезда» и «Правда». Традиционную сонетную форму он наполнил новым революционным содержанием:

...Средь суеты, средь пошлости вседневной
Я жду, когда, как приговор судьбы,
Как вешний гром, торжественный и гневный,
В возмездья час, в час роковой борьбы,
Над родиной истерзанной и бедной
Раскатится набата голос медный.

(Д. Бедный, «Сонет», 1911)

Все произведения Д. Бедного в предвоенной «Правде», начиная от первого номера 5 мая 1912 года, были полны «предчувствием победы» добра над злом, света над тьмой [Акбаров, 1965, 23, 27]:

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растёт, она растёт!
Кошмарный сон – былые беды,
В лучах зари – грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой...

(Д. Бедный, «Полна страданий наша чаша»)

Стихотворение «Друзьям» (1913) проникнуто у него бодрим, революционным настроением:

Пусть гневом вспыхнут ваши очи,
И с лиц сойдёт унынья тень,
Тогда скажу я, – нет уж ночи,
Восходит день!

[Русская литература, 1966, 346].

В 1917 году Д. Бедный так изобразил настроения питерского пролетариата – «могильщика капитала» – на разгром редакции газеты «Правда» в июле 1914 года:

...под сводами заводов,
Средь громадных дымоходов
Рос могучий дух борьбы
Пролетарской гольтьбы.
И не раз уж эта сила
Воли-выхода просила, –
Разметавши тьму препон,
Колебала царский трон.
Перед страшною войною
Снова грозною стеною
Стал вздыматься бурный вал:
Люд рабочий бунтовал

[Эвентов, 1968, 91].

Пророческая тематика в советской литературе

Пророческий пафос пролетарской поэзии был продолжен и в советской России. Провозглашая наступление «светлого будущего» и прихода в мир «Спасителя», советские поэты зачастую и сами воспринимали себя в образе пророков, которым был дан некий дар постижения действительности. Стихотворение Николая Клюева «Правда пахотная» (1919) насыщена своего рода теософским содержанием. Идея народа-богоносца (советского народа), постигающего смысл «иноного бытия», становится у него определяющей. Само освоение русского языка понимается им как постижение религиозного мировоззрения богоизбранного народа [Выходцев, 1963, 59–60]. Он пишет о том, что сумел постигнуть «тайнство» родимой речи и что в его поэзии «живёт Синайский глас и вышний трубный гром». Это давало право ему заявлять следующее:

Я – посвящённый от народа,
На мне Великая Печать,
И на чело своё природа
Мою прияла благодать.

Марина Цветаева, откликаясь на смерть поэта в 1930 году, называет его «величайшим поэтом революции» [Орлов, 1976, 277].

Она рисует впечатляющий образ «первого бойца» за новый мир, сравнивая его с ветхозаветным Моисеем:

*В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал, –
Никаким обходом, ни объездом
Не доставшийся бы перевал.
Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон, –
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель – он.*

Предрекая светлое будущее для всего человечества, советские поэты зачастую обращались в дореволюционное прошлое (А. Вознесенский «Лонжюмо», Е. Евтушенко «Братская ГЭС» и др.). В них ощущается дыхание истории, её закономерностей, назревания революции:

*Революция движется, движется,
Ещё в недрах и тайниках.
Революция пёрышком пишется,
Революция – в черновиках:
Ещё с ятями,
С твёрдыми знаками...
Занавеску с окошка – прочь!*

(И. Фоняков «Путешествие к истоку»)
[Михайлов, 1973, 232].

Но в этой поэзии звучала уже иная интонация. Она была связана с радостным ожиданием и строительством нового будущего – «пролетарского рая» на земле, освещённым «Всемирным солнцем мировой революции» с начертанными ещё французскими коммунарками лозунгами «Свободы, Равенства и Братства».

«Пророк зари», – так определил должность поэта на «новой Земле Обетованной» – советской земле – поэт Максим Рыльский:

*Он с детских лет до старости седин
Живёт в тебе, как свет твоей свободы.
Он шепчет в сердце: «Знай, ты не один,
С тобою друг в дни счастья и невзгоды...»
Поёт свирель, когда тоскует он,
Гремит гроза, когда в нём гнев клокочет.
Он мукою народную рождён,
Он счастье человечеству пророчит.
Он видит: поколение растёт,
Горит огонь во тьме и не сгорает,
Он с молодыми сквозь века идёт,
Пророк зари, что землю осеняет.*

В будущем мире не будет границ. А между когда-то разъединёнными народами будут культивироваться отношения, возведённые в евангельско-нравственные категории дружбы и братства:

*И мыслью гордою пронизан я:
Да, мы возводим новые мосты,
Мы новых дней строители, бойцы
И каменщики будущей Коммуны,
Чтоб ездили друзья по тем мостам,
Чтоб в реках бурных брода-перехода
Брат, устремляясь к брату, не искал,
Чтоб наша сила крепла в единеньи!*

(М. Рыльский «Мосты»)
[Агаатов, 1972, 407].

Внимание к внутреннему, психологическому миру человека не уводят советских поэтов в мир узко-личностных переживаний. В центре их поэзии находятся судьбоносные вопросы времени, ведущие к осмыслению их места в общем строю строителей «царства Божьего на земле» – коммунистического рая:

*Сердце радостно бьётся – в нём солнечный жар,
Хоть давно уже холодом схвачено тело...
...Я поэт, мне теперь умирать недосуг:
Коммунизм приближается – как же я вдруг
Песни петь перестану?*

(Б. Астемиров)
[История, 1967, 251].

Тема пророчества о Мессии-Освободителе в советской литературе

В христианском учении говорится о явлении Спасителя в мир, о его страстях, смерти и Воскресении. Христианская священная история совершалась «по Писаниям», т.е. согласно священным книгам Ветхого Завета. В них пророк Исайя предвидел грядущего Мессию, который принесёт народам мир и свободу. Михей связывает новую эру Помазанника с обращением и спасением всех народов:

*Но в последние дни гора дома Иеговы...
от Сиона выйдет Закон и Слово Иеговы – из Иерусалима.
Он будет судьёй среди многих народов
и всё исправит на благо далёких сильных народов.
Они перекуют свои мечи на лемеха и копыя на садовые ножи.
Народ не поднимет меча на народ,
и не будет больше учиться воевать (Михей 4:1–3).*

В новозаветном предании неоднократно указывается на Ветхий Завет как на пророчество о Христе: «Тогда Он сказал им: о, несмыслённые и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! – говорит Христос ученикам. – Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нём во всем Писании» (Лк 24:25–27). Апостол Павел подчёркивал ту мысль, что весть о спасении издавна была «...через писания пророческие, по велению вечного Бога, возвещена всем народам для покорения их в вере» (Рим 14:25).

Рождение революционного «Иисуса» (Спасителя) – Ленина, также, по мнению пролетарских писателей, предварялось столетиями пророчеств, «ветхозаветных» ожиданий:

*Далеко давным,
 годов за двести,
первые
 про Ленина
 восходят вести...*

Владимир Маяковский описывает совокупность исторических условий, вызвавших появление «призрака коммунизма» («Манифест Коммунистической партии»), – и как прямое следствие, и как итог:

*По всему поэтому
 в глуши Симбирска
родился
 обыкновенный мальчик
 Ленин.*

(В. Маяковский, «Владимир Ильич Ленин», 1924)

Рождество Христово воспринимается в христианской теологической мысли и обыденном мировоззрении как рождение Царя Небесного, Царя царей и Бога вечного, Господа всех людей на земле. Для внимательного новозаветного наблюдателя «знамений времени» такое событие не могло пройти незамеченным. Ему предшествовали знаменательные необычайные события. Так, рождение новозаветного Мессии в мир сопровождалось видением волхвами звезды на небе:

«Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. И увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою» (Мф 2:9–10);

У Эдуарда Багрицкого «Звезда Вифлеема» из евангельского символа превращается в «жаркую звезду», «звезду заповедную», за которой, по аналогии с волхвами, идут «крестьянин, рудокоп и голодный солдат»:

*С ним дымом курятся овины,
Пусть в сугробах, и трудно идти.
Только утренний клич петушиный
Им напутствием служит в пути.
Да над волчьей землёй полыхая,
Над раздольями снега и льда,
Воспалённая и кровавая
Наливается светом звезда.
Так бредут через нищие села
В тихий мрак занесённых степей,
И в снега сукровицей тяжёлой
Каплет пламень с широких лучей.
Горьким дымом с деревни потянет
Да горячею прелью ржаной,
И звезда заповедная станет
В низких тучах над крышей простой.*

(Э. Багрицкий, «Рождество», 1921)

Концовка стихотворения славит рождение «богатырского младенца». Он поднимается «над цветущей землёй трудовой», чтобы принести в мир учение о свободе и счастье всех обездоленных [Рождественская, 1967, 75]:

*...И рождество вставало огневое
Могучего всемирного труда...
И видел я крещение боевое,
Как поднялись в неколебимом строе
Готовые к сраженью города.*

(Э. Багрицкий, «Ночь в монастыре», 1923)

Володя Ульянов – «богатырь-младенец», «мальчик с ясной головой» – родился в Симбирске. И вот он уже подрастает, и вот он уже «с трепещущим стрижом в руке» – символом свободы, попавшим в силок и рвущийся на свободу:

*А бурлаки, ища вслепую бродя,
Все шли и шли по берегу реки,
Но трепетная, первая свобода
Уже вспорхнула с ленинской руки.*

(Ф. Сухов, «Первая свобода», 1950-е гг.)

В конечном итоге, из простого симбирского мальчика вырастает «самый человечный Человек» и гениальный провидец, который «землю всю охватывая разом, видел то, что временем закрыто». Но родился не просто человек, родилась новая эра для всего человечества: «...Эра эта проходила в двери, даже головой не задевая косяк» (В. Маяковский). Впоследствии образ Ленина стал характеризоваться в советской художественной культуре в качестве человека «исполинской глубины и всеобъемлющего характера» [Богуславский, Диев, 1965, 32–33].

Владимир Маяковский пророчески писал о грядущей революции, которую возглавит Человек-Эра, «самый человечный Человек»:

*Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядёт шестнадцатый год...
...И когда,
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю –*

вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! –
и окровавленную дам, как знамя!

(В. Маяковский, «Облако в штанах», 1915)

Одной из центральных тем дореволюционного творчества Маяковского становится тема Человека-Спасителя – пролетарского Мессии. Гордый сознанием своей силы, чистый душою, благородный и свободный, Человек-Спаситель становится главным героем его поэм «Война и мир» и «Человек». Поэма «Война и мир» заканчивается словами радостной веры поэта в счастливое будущее человечества, в грядущего Мессию:

И он, свободный,
ору о ком я,
человек –
придёт он,
верьте мне, верьте!

[Кулинич, 1963, 63–64].

«Угнетённый и убогий» пролетариат, проживающий на бывшей окраине России, также ожидает Спасителя. К нему относятся трудящиеся панской Польши, которая получила независимость после Октября 1917 года:

Гряди, поэзия! Да не враждуют боле
Мысль, вдохновенье и железный город!
Ты бога нового родишь нам вскоре,
Огромный, встанет в жизни в ореоле,
Народы поведёт он за собою.
И в день великий Нового Собора
Убогие пойдут за ним толпою,
Из городов, с заводов, с улиц, с поля,
И озарит ВСЕХ солнце золотое.

(Ю. Тувим, «Подстерегаю бога», 1918)

Мессия, как «солнце золотое», придёт в задыхающийся от эксплуатации «тёмный и греховный мир» капиталистического Запада с Востока (*из революционной России. – авторы*).

Он озарит факелом борьбы всю вселенную, «над которой качается тухлая мгла, затворы орудий уныло зевают»:

Но, поднимая
лапы якорей,
В солёном и синем
своём расцвете,
Летят на Восток
пять морей,
Гудит с Востока
железный ветер.
Он тяжелеет,
тучи гоня,
Песни его,
как пули, вольются,
Ветер строителей,
Ветер огня,
Ветер
Вождей
Революции.

(В. Луговской «Diesirae», 1932)

Но наиболее ярко и содержательно тема пророческого прихода Мессии в это грешный мир запечатлён в послереволюционном, «новозаветном» литературном

«преданий» Владимира Маяковского – «Владимир Ильич Ленин» (1924), написанном как реквием на смерть вождя.

С первых строк произведения образ Ленина здесь дан как выражение извечной мечты народа по своему заступнику, которого зовёт время, народ, человечество. Из тёмного каменного колодца жизни, из трущоб бедноты, где живёт, прозябая, трудовой народ, – раздаётся его клич:

*Приходи,
заступник
и расплатчик! –*

Капитализм поработает народ, делает его существование невыносимым. Скученный по-солдатски, «худой и горбастый» рабочий класс живёт в подвалах, спит на нарах. Безотрадная картина его жизни подчёркивается тяжёлой картиной «безмолвного», «беспросветного» небесного пейзажа:

*И уже
смешались
облака и дымы,
будто
рядовые
одного полка.*

*Небеса
становятся двойными,
дымы
забивают облака.*

Голоса эти доносятся из разных концов земли – из «снегов России, в бреду Патагонии», из политых кровью «золотистых плантациях» юга, где работают негры, из братских могил солдат, погибших за чуждые им интересы, – но все они говорят об одном:

*Мы родим,
пошлём,
придёт когда-нибудь
человек,
борец,
каратель,
мститель!*

На фоне картины ожидания народами всей земли великого вождя, подготавливающего рождение Ленина, даётся изображение наиболее характерных моментов «дородового периода» мирового революционного движения. И здесь закономерно возникает «ветхозаветный» образ Карла Маркса, который «граблящих прибавочную стоимость за руку поймал с поличным», «раскрыл истории законы» и повёл пролетариат «разить войною классовую золотую, до быка доросшего тельца» и т.п. Это образ мудрого провидца, который «предвечно» предопределил «видение Кремля и коммуны флаг над красною Москвой». Такого рода образ Маркса раскрывается в следующих строках в поэме:

*...старший
ленинский брат,
Маркс.*

Достаточно выразительно поэт говорит о качественно новых чертах роста сознания рабочего класса в связи с деятельностью Маркса и восстанием парижских коммунаров. Это уже класс, которого «Маркс <...> поставил на ноги», «это «тени прадедов – парижских коммунаров», передающие свой главный урок новым поколениям борцов за счастье трудящегося народа.

Наконец, мы наблюдаем момент рождения «Мессии»:

*Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь*

*маячил в отдаленьи.
По всему поэтому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.*

И рождает его Россия – страна, которая более всего испытала страданий на своём пути:

*Ты
с боков
на Россию глянь –
и куда
глаза ни кинь,
упираются
небу склянь
горы,
каторги
и рудники.*

Здесь необходимо отметить следующее – образ будущего вождя приобретает у Маяковского простые человеческие черты. Это уже не просто какой-то герой-великан, карающий за народное горе – это живой человек со своими характерными особенностями – «скуластый», «лысый», «незаметный» и т.п. С другой стороны, Ленин – величайший человек, «Человек» с большой буквы, гений, воплотивший народные мечты о «человеке борце, карателе, мстителе». Дело Ленина – это дело, которое касается не отдельных национальных, религиозных или социальных групп, а всего человечества. Он, как и новозаветный Христос-Мессия, продолжатель дела своего «ветхозаветного Отца» – Карла Маркса.

Ленин не простой герой, о котором мечтали трудящиеся. Он – и отец народов, но он – и первейший среди равных. Поэтому в первой части поэмы «Владимир Ильич Ленин» народ говорит о своём вожде: «заступник и расплатчик», «заступник солнцеликий», «новый Стенька Разин». В заключительной же части поэмы Ленин – «любимый и милый», «ненаглядный». Теплотой, ощущением близости Ленина и поэтому ещё большей любовью к нему пронизано людское отношение к вождю. Таким образом, в поэме даётся как исторически-конкретный, человеческий образ Ильича, так и, с другой стороны, показан образ могучего Мессии-Спасителя, бессмертного вождя – Ленина – подлинного отца и учителя для трудящихся всех стран мира. Эта «евангельская» дихотомичность, биполярность новоявленного миру простого человека и «богочеловека» раскрывается Маяковским в следующей фразе:

*Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в своё корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.*

Дореволюционное «ветхозаветное» пророчество свершилось. Мир начинает вступать в новую, доселе невиданную пору своего преображения.

Мессиянское предназначение Ленина отразилось не только в творчестве пролетарских поэтов, но и в народном советском фольклоре. Вместе с «всевидающим» Лениным-Спасителем и его верным соратником-учеником Сталиным освобождённый революционный народ встал на светлую дорогу, которая ведёт к счастью для всего человечества:

*В чистом полюшке дороженька легла,
Словно светлая большая полоса,
Рассветлым светла дороженька, светла
И ведёт она к победам-чудесам.
Кто колхозную дорожку проложил?
Кто колхозную дорожку проторил?
Это Ленин нам дорожку проложил,
Это Сталин нам дорожку проторил*

[Русские песни, 1944, 182].

Именно об этой дороге к коммунистическому раю, проторённой «библейскими» вождями мирового пролетариата, идёт речь в финале стихотворения Михаила Исаковского «На заходе солнца» (1939):

*И пошли два брата
Под зарей широкой –
Ленинской дорогой,
Сталинской дорогой*

[Литвин, 1955, 81].

Заключение

В истории политической и общественной мысли представителей социально-утопизма можно проследить одну закономерную черту. Всех вместе их объединяет, с одной стороны, пророческая вера в наступление новой эры для всего человечества. С другой стороны, иудео-христианская вера «Новой земли обетованной». Но, в отличие от библейских пророков «Царства Божьего на небе», представители будущего социального благополучия предсказывали «Царствие Божье на земле». Схожие сюжеты, как показало исследование, прослеживаются и в пролетарской дореволюционной и советской литературе. «Ветхозаветное» дореволюционное ожидание скорых перемен во главе с Мессией-Освободителем – пролетариатом воплощается в советское, «новозаветное» время осознанием прихода долгожданного Мессии во главе с «вождём мирового пролетариата» – В.И. Лениным. Идеологический пророческий пафос постреволюционной литературы переключается на веру в «избранный» советский народ, способный осуществить многовековую мечту всех народов мира – строительство светлого будущего для всего человечества.

Библиографический список

1. Агатов, М.В. Об авторах ваших книг. Литературные композиции / М.В. Агатов. – М.: «Молодая гвардия», 1972. – 656 с.
2. Акбаров, А. О поэтах хороших и разных. Сборник критических статей / А. Акбаров. – Т.: «Ташкент», 1965. – 208 с.
3. Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. – 537 с.
4. Богуславский, А.О. Русская советская драматургия. Основные проблемы развития (1936–1945) / А.О. Богуславский, В.А. Диев. – М.: Издательство «Наука», 1965. – 288 с.
5. Выходцев, П.С. Русская советская поэзия и народное творчество / П.С. Выходцев. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 549 с.
6. Забияко, А.П. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / А.П. Забияко, Е.А. Воронкова, А.В. Лапин, Д.А. Пратына и др.; под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, библиотека журнала «Религиоведение», 2012. – 208 с.
7. История Дагестанской советской литературы. В 2 тт. – Махачкала: Издательство Дагестанского филиала Академии Наук СССР, 1967. – Т. 1. – 418 с.
8. Кендлер, К. Драма и классовая борьба / К. Кендлер. – М.: Издательство «Прогресс», 1974. – 351 с.
9. Кулинич, А.В. Русская советская поэзия. Очерки истории / А.В. Кулинич. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1963. – 384 с.
10. Литвин, Э.С. Поэзия Исаковского и народное творчество / Э.С. Литвин. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1955. – 203 с.

11. Михайлов, А.А. Живут на Руси поэты / А.А. Михайлов. – М.: «Современник», 1973. – 399 с.
12. Михельсон, О.К. История религий и новый гуманизм М. Элиаде / О.К. Михельсон // Религиоведение. – 2002. – № 4. – С. 52–71.
13. Новикова, К.М. Русская литература XX века (дооктябрьский период) / К.М. Новикова, Л.В. Щепилова. – М.: Издательство «Высшая школа», 1966. – 378 с.
14. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М.: Мзд-во «Пресса», 1991. – 638 с.
15. Орлов, В.Л. Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века / В.Л. Орлов. – М.: «Худож. лит.», 1976. – 367 с.
16. Революционная поэзия (1890–1917). – Л.: «Советский писатель», 1954. – 320 с.
17. Русская литература XX века. Дооктябрьский период: Хрестоматия: Пособие для студентов нац. Групп пед. ин-тов / Сост. И.Т. Крук. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1991. – 511 с.
18. Русская советская поэзия. Традиции и новаторство 1917–1945. – Л.: Издательство «Наука» Ленинградского отделения, 1972. – 379 с.
19. Русские песни. Тексты песен, исполняемых Государственным народным хором имени Пятницкого. – М., 1944.
20. Рождественская, И.С. Поэзия Эдуарда Багрицкого / И.С. Рождественская. – М.: Издательство «Художественная литература», 1967. – 311 с.
21. Тихомиров, Л.А. Религиозно-философские основы истории. – 2-е изд. / Л.А. Тихомиров. – М.: «Москва», 1998. – 592 с.
22. Христианские праздники. Всестороннее освещение каждого из великих праздников со всем его богослужением. Книга 4. Рождество Христово [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Skaballanovich/hristianskie-prazdniki-vsestononnee-osveshenie-kazhdogo-iz-velikih-prazdnikov-so-vsem-ego-bogosluzheniem-kniga-4-rozhdestvo-hristovo/ (дата обращения 14.09.2022).
23. Четвероевангелие. В 3 т. Т. 1: учебник бакалавриата теологии / Митрополит Иларион (Алфеев). – М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017. – 632 с.
24. Эвентов, И.С. Поэт красного Питера / И.С. Эвентов. – Л.: Лениздат, 1968. – 230 с.

Текст поступил в редакцию 14.11.2022.

Принят к печати 16.01.2023.

Опубликован 30.03.2023.

References

1. Agatov M.V. *Ob avtorah vashih knig. Literaturnye kompozicii* [About the authors of your books. Literary compositions]. Moscow: “Molodaya gvardiya” Publ., 1972, 656 p. (in Russian).
2. Akbarov A. *O poetah horoshih i raznyh. Sbornik kriticheskikh statej* [About good and different poets. Collection of critical articles]. Tashkent: “Tashkent” Publ., 1965, 208 p. (in Russian).
3. Berdyayev N.A. *Russkaya ideya. Sud’ba Rossii* [Russian idea. The fate of Russia]. Moscow: ZAO “Svarog i K”, 1997, 537 p. (in Russian).
4. Boguslavskij A.O., Diev V.A. *Russkaya sovetskaya dramaturgiya. Osnovnye problemy razvitiya (1936–1945)* [Russian Soviet dramaturgy. The main problems of development (1936–1945)]. Moscow: Izdatel’stvo “Nauka”, 1965, 288 p. (in Russian).
5. *Chetveroevangelie. V 3 t. T. 1: uchebnik bakalavriata teologii* [The Four Gospels. In 3 vols. Vol. 1: Textbook of Bachelor of Theology]. Moscow: Obshechecerkovnaya aspirantura i doktorantura im. svyatyh равноапостольных Kirilla i Mefodiya, Izdatel’skij dom “Poznanie”, 2017, 632 p. (in Russian).
6. Eventov I.S. *Poet krasnogo Pitera* [The Poet of Red St. Petersburg]. Leningrad: Lenizdat, 1968, 230 p. (in Russian).
7. *Istoriya Dagestanskoj sovetskoj literatury. V 2 tt. T. 1* [The history of Dagestan Soviet literature. In 2 vols. Vol. 1]. Mahachkala: Izdatel’stvo Dagestanskogo filiala Akademii Nauk SSSR, 1967, 418 p. (in Russian).
8. Kendler K. *Drama i klassovaya bor’ba* [Drama and class struggle]. Moscow: “Progress” Publ., 1974, 351 p. (in Russian).
9. *Khristianskie prazdniki. Vsestononnee osveshenie kazhdogo iz velikih prazdnikov so vsem ego bogosluzheniem. Kniga 4. Rozhdestvo Khristovo* [Christian holidays. Comprehensive coverage of each of the great holidays with all its worship. Book 4. The Nativity of Christ]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Skaballanovich/hristianskie-prazdniki-vsestononnee-osveshenie-kazhdogo-iz-velikih-prazdnikov-so-vsem-ego-bogosluzheniem-kniga-4-rozhdestvo-hristovo/ (accessed on September 14, 2022) (in Russian).
10. Kulich A.V. *Russkaya sovetskaya poeziya. Ocherki istorii* [Russian Soviet poetry. Essays on history]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel’stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1963, 384 p. (in Russian).

11. Litvin E.S. *Poeziya Isakovskogo i narodnoe tvorchestvo* [Isakovsky's poetry and folk art]. Smolensk: Smolenskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955, 203 p. (in Russian).
12. Mihajlov A.A. *Zhivut na Rusi poety* [Poets live in Russia]. Moscow: "Sovremennik" Publ., 1973, 399 p. (in Russian).
13. Mihel'son O.K. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2002, no. 4, pp. 52–71 (in Russian).
14. Novgorodcev P.I. *Ob obshchestvennom ideale* [About the social ideal]. Moscow: "Pressa" Publ., 1991, 638 p. (in Russian).
15. Novikova K.M., Shchepilova L.V. *Russkaya literatura XX veka (dooktyabr'skij period)* [Russian literature of the twentieth century (pre–October period)]. Moscow: "Vysshaya shkola" Publ., 1966, 378 p. (in Russian).
16. Orlov V.L. *Pereput'ya. Iz istorii russkoj poezii nachala XX veka* [Crossroads. From the history of Russian poetry of the early twentieth century]. Moscow: "Hudozh. lit.", 1976, 367 p. (in Russian).
17. *Revolucionnaya poeziya (1890–1917)* [Revolutionary poetry (1890–1917)]. Leningrad: "Sovetskij pisatel'" Publ., 1954, 320 p. (in Russian).
18. Rozhdestvenskaya I.S. *Poeziya Eduarda Bagrickogo* [Poetry of Eduard Bagritsky]. Moscow: "Hudozhestvennaya literature" Publ., 1967, 311 p. (in Russian).
19. *Russkaya literatura XX veka. Dooktyabr'skij period: Hrestomatiya: Posobie dlya studentov nac. grupp ped. in-tov* [Russian literature of the twentieth century. Pre-October period: Textbook: A manual for students of the National Groups Pedagogical Institutes]. Comp. by I.T. Kruk. Leningrad: Prosveshchenie. Leningr. otd-nie, 1991, 511 p. (in Russian).
20. *Russkaya sovetskaya poeziya. Tradicii i novatorstvo 1917–1945* [Russian Soviet poetry. Traditions and innovation 1917–1945]. Leningrad: "Nauka" Leningradskogo otdeleniya, 1972. – 379 s. (in Russian).
21. *Russkie pesni. Teksty pesen, ispolnyaemyh Gosudarstvennym narodnym horom imeni Pyatnickogo* [Russian songs. Lyrics of songs performed by the Pyatnitsky State Folk Choir]. Moscow, 1944 (in Russian).
22. Tihomirov L.A. *Religiozno-filosofskie osnovy istorii* [Religious and philosophical foundations of history]. Moscow: "Moskva" Publ., 1998, 592 p. (in Russian).
23. Vyhodcev P.S. *Russkaya sovetskaya poeziya i narodnoe tvorchestvo* [Russian Soviet poetry and folk art]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963, 549 p. (in Russian).
24. Zabyako A.P., Voronkov E.A., Lapin A.V., Pratyina D.A., etc. *Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznych transformacij* [Cyber-religion: Science as a factor of religious transformations]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, biblioteka zhurnala "Religiovedenie", 2012, 208 p. (in Russian).

Submitted for publication: November 14, 2022.

Accepted for publication: January 16, 2023.

Published: March 30, 2023.